

The background of the entire image is a dark blue, almost black, textured surface. It has a grainy, organic quality, resembling a close-up of a rough material or a microscopic view of a liquid surface. The texture is uneven, with lighter blue and white specks and streaks scattered throughout, creating a sense of depth and movement.

Ирина Перунова

Белый шарик

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Ирина Перунова

Белый шарик

НП «Центр современной литературы»

2018

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Перунова И.

Белый шарик / И. Перунова — НП «Центр современной литературы», 2018 — (Поэтическая серия «Русского Гулливера»)

ISBN 978-5-91627-213-0

Ирина Перунова родилась в Воркуте. Окончила Литературный институт им А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Воздух», «День и ночь», «Плавучий мост», «Юность», «Новая юность», в антологиях «Русская поэзия. XXI век», «Наше время», «Поэтический атлас России» и др.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-91627-213-0

© Перунова И., 2018
© НП «Центр современной литературы», 2018

Содержание

I	5
«Теряя ключи, забывая пароли...»	5
ВЕСТНИК	6
MADELEINEA LOLITA	7
АРФА	8
МАТЬ	9
«Подставлял Господь дураку плечо...»	10
ГОЛОСА	11
НАТАЛИ	12
«Кучевые заметки и лес...»	13
«Пробита речь молчанием, сквозит...»	14
«— Садись за алгебру, debil...»	15
ФИЛЬМ «АББА»	16
ГАРАЖНАЯ	17
«Во сне ко мне приходит друг...»	18
«Были счастливы...»	19
«Исчезает с рабочего наспех стола...»	20
«Совсем не нужно быть морковью...»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Перунова И. Белый шарик

I

«Теряя ключи, забывая пароли...»

Теряя ключи, забывая пароли,
вперяя вопрос в облака перьевые,
с ремарками вызубрив первые роли,
хотя не предложат и роли вторые,
ни брассом, ни кролем житейское море
смирить не пытаюсь. От качки до качки –
назад отмотав, разгляжу при повторе
себя в бултыханиях смелой собачки.
Она за буйки... Интересное дело,
как будто за брошенной Господом палкой!
Ей тоже в тумане, похоже, белело...
Ни глупой она не казалась, ни жалкой.
Так вот и меня – никогда не пороли,
ни в детстве, ни в смысле обид – переносном.
И не было мне ни покоя, ни воли,
лишь детская вера на свете на взрослом.

ВЕСТНИК

Голубь лазоревый. Может, зелёнкой
выкрасил гулю какой-то балбес?
Что же до зрителей с психикой тонкой,
вне подозрений посланец небес.
Головы к небу задрали подруги,
три неофитки из тех выпускниц
школ благородных девиц кали-юги,
сами диковенней крашенных птиц.

Эта – Фотиния. Светка, короче,
в чём-то закрученно-алом до пят.
Та – в золочёных браслетах сорочьих,
и до бровей помрачительный плат
голубю в тон... подтверди, Вероника!
Я то и вовсе в мужицкой джинсе:
девочка, мальчик? Поди разбери-ка,
вроде пацан, но при длинной косе.

Зыркает голубь на нас непредвзято,
мы, изумлённые – на сизаря.
«Светлое завтра» из кадра изъято,
и, вероятно, изъято не зря.
Чтобы запомнили вспясть ликование,
к матушке Ксении первый визит:
думали, души несём на закланье,
вышло – дешёвенький свой реквизит.
Чтобы заштопали швы девяностых
в памяти нашей и et cetera
окна икон на Васильевский остров,
голубь лазурный над чашей двора.

MADELEINIEA LOLITA

Такая бабочка над ним
крылатый размыкала нимб,
как поцелуй Христа в чело –
такое небо в ней цвело,
что мальчик выгнулся до дна
своих зрачков, и дно двойное
его вело, куда вольно ей.
Мелькнёт – и снова не видна.

Он видел рай. Я вижу ад.
В музее выставленных в ряд
четыре тыщи экземпляров
павлиноглазых фей, икаров...
Сачок-рампетка под стеклом.
Ты им как вид была открыта,
нимфетка, бабочка lolita,
и поздно сожалеть о том.

Лес препарирующих игл
омыт лучами детских игр.
Пыльца на пальцах – кровь почти,
но в старце мальчика почти.
Средь радуг мёртвого эскорта
вне зоны действия сети
прости, прости его, прости!
Смахни с лица морщины чёрта!

АРФА

И внемлет арфе Серафима...

А. С. Пушкин

Тридцатые годы, но время не суть.
По лестнице старую арфу несут
под марши Осавиахима
недюжинных два Серафима.
Петров Серафим
и по правую с ним
вполне себе Кац,
но и он Серафим.
Так звёзды легли и берёзки,
что в паре работают тёзки.

Взывают ли трубы, ревёт грузовик
изнаночным эхом бравурных музык
у выхода... Дивная, Вы хоть,
внемлите себе, это – выход!
Ваш выход, сударыня!
Да, «запасной».
Вот-вот полыхнёт нашатырной весной
сквозь ваши чехлы и обмотки
от центра Москвы до Чукотки.

В избытке у свежей гармонии нот
на лестничный ваш молчаливый пролёт
в заверенном званье балласта
во славу Екклесиаста.
Труба ли взывает,
гудит ли клаксон,
бесполая Муза, как мальчик-гарсон,
вам двери придержит на Вы и,
не морщась, возьмёт чаевые.

МАТЬ

Пока носила передачи
былая львица сыну Льву,
она походкой старой клячи
обзавелась. Пока молву
топтать не поступью, а шорком
гордыне сношенной пришлось,
глядеть в упор голодным волком
голодный научался лось,
и зайка серенький в лисицу
вселяться заживо, пока
ёж, превращаясь в рукавицу,
утюжил львиные бока.
«Похож на мать, – твердили сыну –
с горбинкой нос и лоб высок!»
И кляча прёт через грязину,
стянув потуже поясок.

«Подставлял Господь дураку плечо...»

Подставлял Господь дураку плечо.
Попривык дурак:
Подавай ещё
высоко сидеть, далеко глядеть!
Уронил – поймай, не чужие ведь.
А уж я Тебе отслужу, Христос,
упрежу Твоих – тише вод – невест.
И пока Господь его в гору нёс,
не спросил дурак:
Где, Господь, Твой крест?

ГОЛОСА

Тысячекратная тьма повторенья
танца теней Саломеи с Иудой.
– Нет!
Ещё Иродова даренья
нет!
Не вернулись посыльные с блюдом,
нож не рождён ещё.
Незачем, нечем,
некому...
Спящий во чреве Предтечей
день не восстал.
– Удались, удали!
Жорж приглашает на вальс Натали.
Нежный румянец прильнул к эполете...
Танец как танец. Дети как дети.

НАТАЛИ

Раз-два-три, раз-два-три...
Разве ты – он!
Смят недоразвитый розы бутон,
смыты румяна, помада, грехи.
Саша, не надо сейчас про стихи!

Раз-два-три, раз-два-три...
Разве он – ты!
Молча меняют бельё и бинты.
Думали жить. Ты возьми, да умри.
Раз-два-три, раз... без пятнадцати три.

Двадцать седьмого январского дня –
ты уезжаешь на бал
без меня.

«Кучевые заметки и лес...»

Кучевые заметки и лес,
оступившийся в небо стокрыло.
Дымовых облаченье завес
наготу листопада сокрыло
от него самого. Немота.
Только шоркает ветер вслепую.
Лета многие или лета? –
тишина отливается в пулю.

«Пробита речь молчанием, сквозит...»

Пробита речь молчанием, сквозит
последнее несказанное слово.
Возможно, это слово-паразит,
от зёрен отлетевшая полова.
Лишённое таланта и ума,
отсутствие без всякого покрова.
Ты погляди –
тома, тома, тома...
И что тебе несказанное слово?

Снегами заплывает окоём
пространства, прикипевшего к засовам.
Там трудники поврозь или вдвоём
всю жизнь свою работают над словом.
Издали, не издали – не вопрос.
От точки доведённые до точки,
роняют миллионы алых роз
отсохшие печатные листочки.

Но ты вберёшь бескровный перегой,
пустой травы крушение и шуршанье,
как обещанье музыки иной,
как пущенное в рост благоуханье.

«– Садись за алгебру, debil...»

– Садись за алгебру, debil!
А мальчик Пушкина любил,
тот за него посуду мыл, не белоручка.

Поручик Юрьич Михаил
ронял соломку вдоль перил,
по коим жизнь съезжала в мир, где злая Жучка.

Там царь зверей, не пив, ни ев,
Толстой на Жучку шикал Лев
и укорял слезинкой детской Достоевский.

И было мальчику легко
скользить за Пушкина и *ко*
на лыжах узких башмаков лыжнёю Невской.

Где оборвалась та лыжня,
не говори, что жизнь фигня –
седой мой мальчик, не зови за стол Иуду.

И я не буду. Визави
присядет тень твоей любви.
Не выключаю за тенью свет, помой посуду.

ФИЛЬМ «АББА»

Сияния полярные. И перпендикулярно им
из кинотеатра «Родина» мы вышли вчетвером.
И на душе не очень нам,
жизнь кажется просроченной:
сажать не стоит дерево,
не стоит строить дом.

Такой фильмец, сияния,
что добрым всем влияниям
на души неокрепшие наметился конец:
Гори ты, школа средняя – и наша и соседняя –
какие школы к лешему, когда такой фильмец!

Зачем ты, наша «Родина», не глупая же вроде, но
на вражескую фильму ту
нам выдала билет?
Там пел квартет заоблачный:
О, «Money, money...» Вона что!
А здесь согласно климату такой музыки нет!

Завод есть винноводочный, три шахты круглосуточных
и мясо-банно-прачечный-молочный комбинат.
А хочется-то – музыки...
Отечество, дай музыки!
Мы девочки, мы музы и
музык нам не хватат.

И тут врубилась музыка! Загадочная музыка,
улыбчивая музыка – сплошной парад планет.
Шары влетели в лузы и развеселились лузеры!
Сто лет как длится музыка,
но вырубился свет.

Ах, если б не сияния на грани выгорания
при переходе качества с количества на мат,
не вспоминали б девочки, что раньше были туточки
три шахты круглосуточных,
завод и комбинат.

ГАРАЖНАЯ

Закрутилась красивая гайка,
да на болтик со сбитой резьбой.
Что стоишь, гражданин? Помогай-ка,
назови это дело судьбой!

Вынимай плоскогубцы и ключик
или что там ещё наизусть,
только пусть эту гайку не глючит,
этот болт не болтается пусть.

Озадачься их склейкой и спайкой,
подбери им секретный пароль,
чтобы болтик тот счастлив был с гайкой
в агрегате «НАМИ – ноль шесть ноль»!

Чтоб леталось тому агрегату
мимо просек и прочих красот,
как по синему морю фрегату,
лет пятьсот.

«Во сне ко мне приходит друг...»

Во сне ко мне приходит друг
предупредить о переезде
и просит выключить утюг,
забытый им на старом месте.
Сам, уверяет, не могу.
Мол, недосуг. И новоселье.
Целуй, мол, ручку утюгу!
Проси его, чтоб не висели
на мне последние счета.
Такая, знаешь, нищета.
И всё же нужно быть людьми! –
даёт мне книгу. Книга жалоб.
– В дорогу почитать возьми...
И к сердцу я её прижала б,
но та, вывёртываясь вдруг,
летит, как на ногу утюг.

«Были счастливы...»

Были счастливы?
Счастливы – были!
В звёздной пыли
и прочей пыли
артефакты порой находили:
скажем, выцветший шарик Земли.

А на нём, вы представьте, коллеги,
Театр Эстрады:
скудельный сосуд
стих читает про белые снега –
будто *идут* они! Не *идут*.

И от этого самого «*идут*»
целый зал заливался слезми...
Грех смеяться. А сами-то вы тут
со своими, друзья, ми-ми-ми –
были счастливы?

В новой вселенной
негатив ототрём добела:
даже кошка в грязи у пельменной
хоть однажды счастливой была.

Всяким счастьям –
большим и не очень –
по-над бездной отыщем закут.
Видно, ключ мой под счастье заточен,
даже если все двери запрут.

«Исчезает с рабочего наспех стола...»

Исчезает с рабочего наспех стола
из немногих любимое фото.
Кем он был для тебя?
Кем ему ты была?
Да ни кем, в самом деле!
Вот то-то.
Что даёт тебе право просить «ни о ком»?
Помолчи! – пустоте отвечаю, –
Будь он трижды со мной на земле не знаком,
а его Воскресения – чаю!

«Совсем не нужно быть морковью...»

Совсем не нужно быть морковью
чтоб видеть тёрку изнутри
и расписаться рыжей кровью
в полнеба почерком зари
«Здесь был Борис».
Для справки: Рыжий.
Проездом в город Уфалей.
А ты борись: морковку выжал,
на треть стакана сливок влей.

Иначе – мигом витамины
из сердца высосут слова.
Он в небе был, там те же мины
по типу «Чёрная вдова».
За каждым облаком «гостинец»,
за каждой терцией минор.
Там выживает пехотинец,
где подрывается минёр.
В порядке бреда обезвредит,
с небесных вынесет полей
одну, другую... и уедет
на третьей – в город Уфалей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.